

О типовых моделях организации смысла паремий с посессивными комплексами

И. Г. ГОМОНОВА

Наличие в паремиологических единицах (ПЕ) общего компонента, значимого для их организации и интерпретации, позволяет обнаружить свойственные таким паремиям общие структурно-семантические и функциональные особенности. Для анализируемых в данной статье русских пословиц и поговорок таким компонентом является посессивный комплекс, представляющий собой субстантивное словосочетание с притяжательным местоимением в зависимой позиции или (реже) независимый посессив, который концентрирует в себе предметное значение и значение принадлежности / свойственности. Спецификой употребления посессивов в паремиологической единице является то, что они относятся к обобщенному антецеденту, однако степень обобщенности у отдельных притяжательных местоимений является разной (самая высокая она у возвратно-притяжательного местоимения свой). Кроме того, в паремиях регулярно не называется кореферентное посессиву имя. Значение посессивных комплексов зависит от взаимодействия имени, к которому относится посессив, и контекста, причем в разных по семантике посессивных сочетаниях тот или иной аспект выходит на первый план. Так, например, характер выражаемого с помощью притяжательного местоимения отношения между посессором и объектом обладания определяется семантикой объекта обладания – для имен, содержащих релятивные семы, – и семантикой объекта обладания в сочетании с контекстуальными и экстралингвистическими данными – для имен, не содержащих релятивные семы.

Посессивные комплексы, выступая в качестве компонента паремии, участвуют в определении ее функциональной «специализации», формировании ее прагматического потенциала. Как известно, прагматически ориентированная классификация паремиологических единиц основывается прежде всего на характере речевых действий, которые могут реализовываться при их посредстве. Проведенный нами анализ паремиологических единиц с местоимениями-посессивами показал, что паремиям такого рода свойственно выражение, главным образом, следующих речевых установок: 1) сетование (данная установка представляет собой выражение негативных эмоций по поводу каких-либо действий, событий или обстоятельств); 2) осуждение (эта речевая установка заключается в выражении негативно окрашенного отношения к чьим-либо качествам, поступкам, манере поведения и т.п.); 3) оправдание (самооправдание); 4) угроза; 5) одобрение (самоодобрение); 6) позитивное ожидание. Практически количество функций, связанных с анализируемыми паремиями, значительно больше, во-первых, за счет существования их вариантов (например, позитивное ожидание – ободрение, утешение), во-вторых, вследствие возможности использования их для реализации разной речевой установки (в частности, типичным для исследуемого материала является комбинация «осуждение / оправдание»). Вопрос о том, какая именно из функций присуща определенному пословичному изречению, фактически невозможно решить в абстрактной форме, без учета конкретных факторов его реализации. Кроме того, свойственные паремиям функции связаны с их содержательной спецификой.

Исследование паремиологических единиц с отдельными посессивными комплексами подтверждает мысль о том, что повторяемость компонента паремии приводит к тиражированию способов «синтаксического конструирования и интерпретации структурно-семантических моделей ПЕ» [1, с.136]. К типовым моделям организации смысла паремий с посессивными комплексами относятся, в частности, ПЕ с дистрибутивно-посессивным зна-

чением, средством выражения которого является возвратно-притяжательное местоимение (ВПМ) *свой*, и ПЕ с релятивно-характеризующим посессивным значением, которое реализуется в русском паремийнике преимущественно посредством лично-притяжательного местоимения (ЛПМ) *наш*.

Паремии с дистрибутивно-посессивным значением имеют общее значение 'Всякий объект определенного класса характеризуется (обладает) индивидуальным, свойственным только ему признаком' и представляют собой обширный участок паремиологической системы русского языка. Наряду с посессивным комплексом вторым обязательным компонентом таких паремий является определительное местоимение с обобщающим значением *всякий* (*всяк*), *каждый*, *весь*, представленное как автономно (в случае субстантивации), так и в составе именных словосочетаний: *Всяк свое хвалит* [Даль 2, с.197]; *Всякому свое и не мыто бело* [Даль 2, с.97]; *У каждого свой царь в голове* [Даль 1, с.343]; *Всему свое место* [РАЛС, с.62]; *Всякая птица своим голосом поет* [Даль 2, с.111]; *У всякого Егорки свои отговорки* [Даль 1, с.140].

Практически во всех паремиологических единицах с дистрибутивным значением определительное местоимение является средством выражения семантического субъекта и занимает препозитивное положение. Сочетания местоимений *всякий* / *каждый* с именем существительным, с одной стороны, выступают в качестве конкретно-образного способа выражения обобщающего компонента. В то же время понятно, что степень конкретизации значения этого компонента не может быть высокой, так как, во-первых, речь идет о паремиях, во-вторых, смысловым центром субстантивного словосочетания остается обобщающее местоимение. В сочетаниях «*всякий* / *каждый* + сущ.» в составе паремий используются преимущественно субстантивы трех семантических разрядов. Наиболее активно представлены разнообразные существительные со значением лица: *Всякая невеста для своего жениха родится* [Даль 1, с.282]; *У всякого мастера свои хватки* [РНПП, с.265]; *У всякой старушки свои прорушки* [Даль 1, с.163]; *У всякого Павла своя правда* [Даль 1, с.146]. Кроме того, в сочетаниях с определительными местоимениями регулярно используются имена существительные, обозначающие животных и птиц, а также номинации растений и их плодов. Такие именные комплексы традиционны для паремий и имеют ярко выраженный метафорический характер: *Всякая лисица свой хвост хвалит* [Даль 2, с.195]; *Всяк петух на своем пепелище хозяин* [Даль 2, с.76]; *У всякого жеребенка своя попрыжка* [РНПП, с.72]; *Всякое семя знает свое время* [Даль 2, с.118]; *Всякая сосна своему бору шумит* [Даль 1, с.255]; *У каждой ягоды своя косточка* [РНПП, с.294]. Другие (конкретные и абстрактные) существительные в прямом и переносном значении в анализируемой позиции употребляются нерегулярно: *Во всяком подворье свое поверье* [Даль 2, с.105]; *У всякой охоты свои заботы* [РНПП, с.76]; *Всякая вещь хороша на своем месте* [ППРН, с.490].

Более широкой сочетаемостью характеризуется в анализируемых паремиях посессив. Местоимение *свой* в дистрибутивной функции активно сочетается с существительными разных семантических разрядов. Посессивный комплекс выполняет обычно в предложениях-паремиях роль семантического предиката. В безглагольных конструкциях (а по их моделям строится большая часть паремий с дистрибутивным значением) сочетание «*свой* + сущ.» осуществляет эту функцию самостоятельно. Такие паремии представлены четырьмя основными структурными типами, причем в первых трех посессивный комплекс занимает позицию грамматического подлежащего:

– «*у* + *всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в Р.п.» – «*свой* + [сущ.] в И.п.»: *У каждого своя доля* [РНПП, с.159]; *У всякой собаки своя кличка* [Даль 2, с.173]; *У всякой пичужки свой голосок* [Даль 2, с.111];

– «*всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в Д.п.» – «*свой* + [сущ.] в И.п.»: *Всему свое время* [РАЛС, с.61]; *Каждому слову свое место* [Аник., с.123]; *Всякому зерну своя борозда* [Даль 2, с.108];

– «*в* (*на*) + *всякий* (*каждый*) / *весь* + сущ. в П.п.» – «*свой* + сущ. в И.п.»: *В каждой избушке свои погремушки* [РАЛС, с.33]; *В каждой деревне свои порядки* [РНПП, с.56];

– «*всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в И.п.» – «*на* (*в*) + *свой* + сущ. в В.п.»: *Всякий портной на свой покрой* [Даль 2, с.111]; *Всяк старец в свой ставец* [Даль 2, с.95].

Другие структурные типы безглагольных предложений-паремий представлены нерегулярно: *Каждый цветок со своим запахом* [ППРН, с.26]; *Во всяком посаде в своем наряде* [Даль 2, с.112]; *Под каждой крышей – свои мыши* [Аник., с.257]; *На всякий случай – свой обычай* [Аник., с.191].

В глагольных конструкциях посессивный комплекс обычно входит в состав семантического предиката в сочетании с глаголом, восполняя информативную несамодостаточность последнего: *Всяк своим умом живет* [Даль 2, с.104]; *Всякая курица своим голосом поет* [ППРН, с.26]; *Все идет в свой черед* [Аник., с.52]; *Каждое начало имеет свой конец* [ППРН, с.527]. В состав семантического предиката входит посессивный комплекс и в предложениях-паремиях с именным сказуемым (при этом может занимать позицию грамматического подлежащего): *Всякому своя слеза солона* [Даль 2, с.97]; *Всякая птица своим клювом сыта* [Даль 2, с.188]; *Всякая избушка своей кровлей крыта* [Даль 2, с.112].

Паремии с ВПМ в дистрибутивной функции представляют собой один из тех участков паремиологической системы, который является «излюбленным» для ее коллективного автора. Большинство паремий такого типа находятся в отношениях синонимии, квазисинонимии либо представляют собой варианты разного рода: *Всяк свое хвалит* [Даль 2, с.96] – *Всякий свой товар хвалит* [РНПП, с.248], *Всякий купец свой товар хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякий цыган свою кобылу хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякий боярин свою милость хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякая старина свою плешь хвалит* [Даль 2, с.197], *Всяк кулик свое болото хвалит* [РАНС, с.26], *Всякая лиса свой хвост хвалит* [Даль 2, с.195] и др. Многие русские ПЕ с дистрибутивным *свой* имеют соответствия в паремийниках других языков, образуя своеобразный фрагмент провербиального пространства. Напр.: *Всему свое время* (сравн. лат. *Suis quaeque temporibus* «Все в свое время» [РАЛС, с.61]) – бел. *Усё свой час мае* [ПП 2, с.472]; пол. *Wszystko ma swój czas* [Стып., с.65]; чеш. *Každý (Všechno) má svůj čas* [ČР, с.110]; англ. *Everything is good in its season* [РАНС, с.25]; нем. *Jedes Ding hat seine Zeit* [РАНС, с.26]. Таким образом, модели, по которым организуются паремии с дистрибутивным *свой*, характеризуются высокой степенью продуктивности. ПЕ такого рода активно используются носителями языка, в том числе в виде выражений, содержащих мотивы паремий, и в трансформированном виде.

Категория посессивности, как известно, имеет антропоморфический характер, одним из проявлений которого является оформление в рамках посессивных сочетаний релятивно-характеризующих отношений. Межличностные отношения разного рода (между индивидом и индивидом, индивидом и группой, группой и индивидом) с различным конкретным наполнением (родственные, дружеские, соседские, иерархические и др.) активно выражаются в текстах паремий прежде всего посредством посессивных комплексов «*наш* + наименование лица».

«Специализированность» местоимения *наш* в отношении передачи релятивно-характеризующих отношений подтверждается, в частности, тем, что в паремиологическом материале последовательно выделяется ряд моделей, по которым построены посессивные комплексы «*наш* + наименование лица», а также (в некоторых случаях) сами предложения-паремии, содержащие их. ЛПМ *наш* в составе посессивных словосочетаний релятивно-характеризующего типа может указывать на субъекта-посессора, представленного более или менее широкой группой лиц, разными социальными коллективами, объединениями. Притяжательные местоимения в таких конструкциях утрачивают значение собственно принадлежности и служат, как правило, для выражения отношений «социальной посессивности»: указывают на родственную, дружескую, любовную связь персонажа паремии с субъектом-посессором, на их национальную, территориальную, «профессиональную» общность и др. Функционально-смысловой потенциал ЛПМ *наш* в сочетаниях с именами лиц настолько широк, что это местоименное слово может, во-первых, указывать на разного рода функциональное целое типа ‘я и другие’, ‘мы и другие’; во-вторых, совместно с существительным-релятом при обращении (непосредственном или опосредованном) к другому лицу передавать значение ‘ты / вы’. Наконец, также сливаясь в содержательном отношении с именем лица, выражать значение ‘он (она, они)’. В двух последних случаях притяжательное местоимение в

большей мере утрачивает посессивное значение, даже в некоторой степени десемантизируется, однако обязательно имеет эмоционально-экспрессивную окрашенность, причем в большинстве случаев пейоративного типа.

Анализируемые паремии служат средством меткой, образной характеристики лиц (инструментом которой обычно является какой-либо частный признак), причем в большинстве случаев характеристики негативного плана, предметом которой являются человеческие слабости и пороки, влекущие за собой негативные последствия. Такое критическое отношение к «нашим» объясняется, как правило, тем, что они 1) занимают социальное положение, вызывающее негативную оценку посессора или 2) не связаны с субъектом-посессором отношениями кровного родства. Посессивные сочетания с релятивно-характеризующими отношениями представлены в ПЕ 4-мя основными структурными типами, которые характеризуют весь анализируемый фрагмент паремиологического фонда, но особенно выразительно проявляются в текстах, включающих в себя компонент «наш + антропоним». Это следующие модели:

– «наш + сущ. в И.п.» (наиболее активно представлена): *Наш пострел везде поспел* [Даль 1, с.201]; *Наши дураки без пастуха бродят* [Даль 1, с.343]; *Наш Тут и под лавкой спит* [Даль 2, с.297]; *Наша Дуня грязна, как гуня* [Даль 2, с.296];

– «наш + сущ. в Род.п. с предлогом у»: *У нашего соседа смиренная беседа* [Аник., с.308]; *У наших зятей много зятей* [Даль 1, с.308]; *У нашего Филата спина горбата* [Даль 1, с.367];

– «наш + сущ. в Д.п. без предлога»: *Нашему болвану ни в чем нет талану* [Даль 1, с.43]; *Нашему уроду все не в угоду* [Даль 1, с.101]; *Нашему Макарке все огарки* [Даль 2, с.296];

– «наш + сущ. в В. – Род.п. без предлога»: *Нашего непоседа ни дома, ни у соседа* [Даль 1, с.200]; *Нашего слугу согнуло в дугу* [Даль 1, с.110]; *Нашего Мины не проймешь и в три дубины* [Даль 1, с.161].

Посессивные комплексы всех структурных типов выполняют в предложениях-паремиях роль семантического субъекта.

Общность строения характерна не только для посессивных комплексов, входящих в анализируемые ПЕ, но и для целого ряда самих предложений-паремий. Так, например, среди паремиологических единиц с посессивным комплексом «ЛПМ + имя лица в Род.п. с предлогом у» представлены сложные двучленные предложения, части которых являются безличными (отрицательно-генитивными) предложениями, а посессивный компонент выступает в роли дополнения-детерминанта: *У нашего командира ни шляпы, ни мундира* [Даль 1, с.194]; *У нашего господина ни ржи, ни овина* [Даль 1, с.65]. Двойное отрицание наличия чего-то (значимого в данном случае) у субъекта или свойственности чего-то субъекту приводит к усилению его негативной оценки: *У нашего свата ни друга, ни брата* [Даль 2, с.230]; *У нашей пряжи (непряжи) ни одежды, ни рубахи* [Даль 2, с.12]. Подобный эффект достигается также в предложениях-паремиях, где характеристика чего-либо или кого-либо принадлежащего / свойственного субъекту сопровождается обобщающим (*У нашей свахи все невесты непряжи* [Даль 1, с.366]; *У нашей матушки все печево, а поесть нечего* [Даль 2, с.48]) или количественным (значение неопределенно-большого количества) признаком: *У наших бражников много праздников* [Даль 2, с.246]; *У нашего молодца нет забавам конца* [Даль 2, с.265].

Общностью структуры характеризуются также паремии, представляющие собой сложные предложения с бессоюзной или комбинированной связью (при этом бессоюзная связь является ведущей) с пояснительными отношениями между частями или структурно-семантическими блоками. Первая часть (блок) такой конструкции содержит словосочетание «наш + имя лица» и катафорический элемент, содержание которого раскрывается во втором блоке. В нем заключена отрицательная оценка, имеющая иронический характер: *У наших казачков (молодцов) обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму* [Даль 2, с.207]; *У нашей свахи так: хожено, так слажено, а расхлебывайте сами* [Даль 1, с.286]; *У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют* [Даль 2, с.85]. Помимо местоименных слов, в роли поясняемого элемента в первой части анализируемых паремий используются также количественно-именные словосочетания: *У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожиже* [Даль 2, с.289]; *У нашего старосты четыре радости: лошади пропали, коров не найдут, два брата в солдатах, сестра в девицах* [Даль 1, с.120].

Таким образом, паремии, представляя собой единицы, которые используются для реализации особо востребованных в коммуникации речевых действий, приобретают стандартизированное языковое выражение, наиболее «выразительные способы передачи отдельных пословичных смыслов тиражируются в ПЕ самым активным образом» [1, с.136]. Среди паремий, включающих в себя в качестве общего компонента (фрагмента) посессивный комплекс, широко представлены такие паремические формулы, организованные по типовым для этого участка паремиологической системы моделям.

Abstract. The paper describes Russian paremiis with possessive complexes organized on models which are typical for the given paremiologic system. It also reveals structural types of possessive complexes and paremiologic entities on the whole, characterizes semantic specificity and functional purpose of the given paremiis.

Литература

1. Селиверстова, Е. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е.Селиверстова // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 135-142.

Принятые сокращения

Аник. – Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина; Сост. Ф.М.Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин. – М.: Художественная литература, 1988; Даль 1 – Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.1; Даль 2 – Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.2; ПП 2 – Приказки і прймаўкі: У 2 кн. / Рэд. А.С. Фядосік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2; ППРН – Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – Изд. 2-е, стереотип. – Ростов н/Д: Феникс, М.: Цитадель-трейд, 2005; РАЛС – Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений / Сост. А.С. Альбов. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006; РАНС – Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок и Библейских изречений. – М.: Наука: Флинта, 2005; РНПП – Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – М.: Московский рабочий, 1965; Стыц. – Стыпула Р. Словарь пословиц и поговорок (русско-польский, польско-русский). – Варшава: Wiedza Powszechna, 2003; СР – Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví: Soudobý stav konce 20 století. – Praha: Univerzita Karlova v Praze Nakladatelství Karolinum, 2002.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 05.09.09